

Е. А. Зубова
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к. филол. н., доцент Д. С. Скокова

ПРОБЛЕМЫ ТЕЛЕСНОСТИ В РАССКАЗЕ А. Р. БЕЛЯЕВА «ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ РАКОМ?»

Аннотация

Настоящая работа посвящена исследованию телесности в рассказе А. Р. Беляева «Легко ли быть раком?». В частности, рассматриваются мотивы телесной трансформации, омоложения, процессы самоидентификации героя.

Цель работы – охарактеризовать специфику телесности в рассказе А. Р. Беляева «Легко ли быть раком?».

Объектом исследования является рассказ А. Р. Беляева «Легко ли быть раком?»

Предмет исследования – телесность в рассказе А. Р. Беляева «Легко ли быть раком?»

Ключевые слова: телесность, метаморфозы, А. Р. Беляев, кризис идентичности, превращение.

В начале XX века мир претерпел значительные изменения, которые не могли не отразиться в культуре. В период кризисов и глобальных потрясений идентичность человека ставится под угрозу, стираются старые стереотипы поведения и не успевают сформироваться новые. Одним из ключевых элементов, составляющих самоидентификацию личности, помимо так называемого духовного аспекта, является телесность. О. Я. Муха определяет телесность как *«наделенность телом, владение телом и различные способы его «использования», модусы его функционирования; связанность с телом зафиксированность в теле, необратимую «приземленность» в результате груза/тяжести тела; самовыражение, самоутверждение, самоидентификацию, определение места в социальной иерархии с помощью тела, через его посредничество»* [6, с. 12].

Литературоведами замечено, что трансформации тела героя художественного произведения можно считать непосредственно связанными с его «кризисом идентичности» [5, с. 256]. Любые телесные метаморфозы в литературном произведении современной эстетики связаны с проблемой самоидентификации героя. Одним из вариантов мотива телесных трансформаций в художественном тексте является превращение в животное.

В древних обществах люди использовали образы животных в соответствии с культурными и религиозными представлениями. Зооморфизм (наделение чего-либо чертами животного) и антропоморфизм (наделение кого-либо или чего-либо чертами человека) как черты первобытного мифологического мышления стали базовыми приемами в художественной литературе. Так, например, в

«Метаморфозах» Овидия транслируется архаическое представление о происхождении растений и животных путём метаморфоз, а у Апулея в романе «Метаморфозы, или Золотой осёл» главный герой превращается в осла. Но вплоть до конца XIX- начала XX веков мотив метаморфоз в русской литературе встречается в основном только в народных волшебных и авторских сказках, а зооморфизм проявляется в бестиальных образах. На стыке XIX и XX вв. в Европе сформировался жанр «научная фантастика» – литературный жанр, основанный на фантастических допущениях в области науки. Кроме того, литераторы в целом стали больше экспериментировать в возможностях представления героя в различных «нечеловеческих» формах, это стало своеобразной метафорой, показателем «кризиса идентичности». Например, в 1912 Франц Кафка написал повесть «Превращение». В рассказе поднимается тема морального перевоплощения, деградации личности.

В творчестве А. Р. Беляева мотив телесных изменений является одним из самых распространённых: «Голова профессора Доуэля» (1924), «Человек-амфибия» (1928), «Хойти-Тойти» (1930). Полагаем, что такая заинтересованность автора в возможности существования в отличной от обычной человеческой формы обусловлены тем, что писатель много лет страдал от костного туберкулёза, отягощённого параличом нижних конечностей, а с 1916 по 1920 годы был закован в гипсовый корсет. В статье «О моих работах» Беляев отмечает: «Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни “голова без тела”, которого я совершенно не чувствовал: полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать “голова без тела”» [2]. Приведенное замечание автора напрямую соотносится с произведением «Голова профессора Доуэля», при этом очевиден ряд параллелей, позволяющий предположить, что персональный телесный опыт болезни писателя лёг также в основу рассказа «Легко ли быть раком?» (1929).

Рассказ определён автором как «биологический рассказ-фантазия». Произведение строится вокруг попытки повествователя представить себя в теле членистоногого. Такой способ повествования позволяет нам говорить о приёме «остранения» [8] как одном из ведущих в рассматриваемом произведении, так как описание жизни с точки зрения рака необычно. Ранее исследователи обращались к теме безумия в данном рассказе [7, с. 190], однако, как представляется, смыслообразующим в произведении является мотив телесных трансформаций. Рассказ начинается с размышлений повествователя о легкости жизни рака: «Если вы думаете, что раком быть легко, то глубоко ошибаетесь» [1] и строится на событиях пребывания героя, носителя человеческого телесного и социокультурного опыта в облике рака. Именно с этой позиции герой судит об образе жизни рака.

Стоит обратиться к ближайшему литературному контексту. История Грегора Замзы, человека, превратившегося в «страшное насекомое», сопоставима с рассказом «Легко ли быть раком?». Вероятность того, что Беляев читал Кафку мала, так как первые публикации произведений Кафки в СССР произошли в 60-е годы, но в произведениях есть схожие черты: 1) герои превращаются в членистоногих / насекомых – не теплокровных, не млекопитающих с отличной от

человеческого типа анатомией; 2) причина превращения не известна; 3) оба героя сталкиваются с трудностями управления телом и трудностями утоления голодом.

Повествование ведётся от лица человека, который на время стал раком. Кто он – остаётся неясным. Не сообщается ни его имя, ни возраст, ни национальность, ни род деятельности. О том, что герой мужского пола, мы можем судить только по использовании мужских окончаний в глаголах. Ему «пришлось превратиться в рака» [1], но каким образом – умалчивается. Первый абзац наиболее антропоморфен, так как, по авторскому замыслу, эти слова писал человек, уже переживший «рачий» опыт. Прослеживается двоякая трактовка некоторых слов, например: «пришлось» (действие под принуждением или прибывание в состоянии?) и «затруднительное положение» (рассказчик сам не знает, как он стал раком или ему стыдно об этом говорить?). Из-за этого невозможно сделать однозначный вывод о том, как, зачем и почему произошла трансформация героя.

Повествователь в теле рака испытывал жуткий голод, но его голод пересиливала боль во всем теле: «болела моя голова, — и не только голова: грудь сдавливало так, что я еле дышал, хвост, казалось, попал в тиски, клешни и ноги нестерпимо ныли. Я был самым несчастным существом в мире» [1]. Уже здесь можно заметить оппозицию тело/разум, животное/человеческое. Телесное-животное проявляется в физиологических потребностях, в голоде и в том, что «водяная крыса» была названа «лучшим обедом». Человеческий опыт персонажа проявляется в используемых понятиях и в сравнении головных болей с мигренями.

С усилением боли у героя пропадает аппетит, но усиливается раздражительность. Герой подозревает, что заболел какой-то сильной болезнью. Он пытается изолироваться от внешних раздражителей. Сущность рака проявляется в ненависти к коровам, причина которой не человеческая – коровы создают шум и распугивают насекомых и лягушек. Внешние шумы проникают в изолированный мир героя, из-за чего он был готов сойти с ума. Пытаясь скрыться от раздражителей, герой забирается всё глубже в нору, где сталкивается с другим раком.

Рассказчик подмечает неладность действий рака-соседа, дикость поведения которого он связывает с безумием, однако, когда герой видит, как из левой клешни соседа-рака «вылезла, как из перчатки, нежная телесная клешня» [1], он понимает, что они линяют.

Используя метафоры, рассказчик ищет способы объяснить читателю, как он переживал процесс линьки. Приводятся сравнения, подчёркнуто человеческие, например – *запертого* тела рака с телом младенца, с рождения растущем в рыцарских доспехах, примечательна также история о скульпторе, облившего голову человека особым составом, который при высыхании становился крепче гранита, из-за чего несчастный человек задохнулся. Панцирь рака в восприятии героя имеет негативную семантику, это источник страданий, тюрьма. Попытка выбраться из панциря воспринимается героем не как смена телесной оболочки, а борьба за свою жизнь: «Я спасал свою жизнь. Мое нежное тело было заковано в жесткий панцирь, и он душил меня... Я чувствовал, что если мне не удастся освободиться от этой тюрьмы, то она удушит меня. Я ползал по своей норе, как бы желая уйти от самого себя, силы постепенно оставляли меня» [1].

Когда герою всё-таки удалось избавиться от панциря, он испытывает блаженство. Чтобы завершить процесс линьки, нужно было ещё сменить глаза. Когда герой прошел и этот этап, его взору предстал собственный панцирь: «Как странно было его видеть! Как будто рядом со мной лежал мой труп. Ведь он как две капли воды похож на меня!» [1]. Но вдруг герой понимает, что оказался в полной тишине. Рачьи инстинкты берут вверх, и он восстанавливает слух: «Новое странное ощущение овладевает мною. Я как будто утратил чувство равновесия» [1]. Оба эпизода превращения переданы физиологически достоверно, что вызывает у читателя эстетическое отвращение.

Когда герой восстанавливает равновесие, его интерпретация ситуации, в которой он оказался, кардинально меняется. Из панциря он вылез совершенно беззащитным, словно новорожденный: «Ведь я сбросил не только панцирь. Я переменил все сяжки, сдал в архив старые глаза, жабры, зубы, даже пищеварительный канал! Это было похоже на омоложение, но я пред почел бы не омоложаться до степени новорожденного младенца. Я был беззащитен» [1]. Сравнение с новорожденным не случайно, так как процесс линьки воспринимается в системе смыслов человеческого как выход младенца из тесной материнской утробы. Так, мотив обновления непосредственно связан с мотивом телесной трансформации. Всё тело героя обновилось до состояния новорождённого. Его сознание – человеческое, инстинкты – взрослого рака, тело – детёныша. Можно также провести параллель с рассказом Хулио Кортасара «Асколотль» [4] в котором герой-повествователь проецирует собственный опыт на асколотля – личинку некоторых видов амбистом, амфибий. Рак и асколотль – существа, схожие лишь в том, что среда их обитания – вода, однако они связаны тематически и в контексте исследуемой проблематики обладают схожими коннотациями. Помимо близости к водной стихии, они отражают своим существованием телесные трансформации. Когда рак остаётся без панциря, он существует в промежуточном состоянии, неполного, незавершенного, как и асколотль, который является личинкой, незавершённой амбистомой.

Страх за собственную жизнь героя Беляева закономерен: рак-сосед погибает от клешней старого рака. Панцирь из тюрьмы становится бронёй, защитой, без которой герой на волосок от смерти. Не справляясь с опасностью, реальной и выдуманной, герой стремится к изоляции. Рассказ завершается размышлением о частоте линьки и вопросом к читателю, считает ли тот, что раком быть легко?

Нельзя сказать, что герой рассказа преодолел кризис самоидентификации. Скорее, он приспособился к жизни в теле рака, но только для того, чтобы потом опять столкнуться с трудностями управления телом. Смена восприятия панциря как тюрьмы на броню, скорее является отражением цикличности кризисов личности человека, а в персональном аспекте – кризисов самоидентификации героя, на что также указывает перечисление количества линек в год в конце рассказа. Таким образом, мы считаем, что проблема самоидентификации, переданная через телесность, является одной из ключевых в рассказе.

Использованная литература

1. Беляев, А. Р. Беляев Александр Романович Легко ли быть раком? / А. Р. Беляев. // Lib.ru: "Классика" : [сайт]. — URL: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1929_legko_li_byt_rakom.shtml (дата обращения: 05.05.2025).
2. Беляев, А. Р. Беляев Александр Романович О моих работах / А. Р. Беляев. // Lib.ru: "Классика" : [сайт]. — URL: http://az.lib.ru/b/beljaew_a_r/text_1939_o_moih_rabotah.shtml?ysclid=m8vqbpabd4401367841 (дата обращения: 05.05.2025).
3. Кафка Ф. Превращение : рассказы. - Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. - 352 с.
4. Кортасар, Х. Хулио Кортасар. Аксолотль / Х. Кортасар. // Lib.ru : [сайт]. — URL: https://lib.ru/INPROZ/KORTASAR/hk_aksol.txt (дата обращения: 05.05.2025).
5. Матвиенко А. И., Солопина Г. А Телесные трансформации как признак утраты личной идентичности героев произведений мировой литературы второй половины XX – начала XXI веков // Научный диалог. - 2021. - №11. - С. 254-269.
6. Муха О. Я. Тело, плоть, телесность: к методологии определения понятий // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. - 2010. - №8-1. - С. 12-22.
7. Осьмухина, О. Ю. Специфика воплощения мотива безумия в творчестве А. Р. Беляева / О. Ю. Осьмухина, Д. И. Старцев. // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2017. — № 4. — С. 190-194.
8. Шкловский В. Б. Виктор Шкловский. «Искусство как приём» / В. Б. Шкловский. // ОПОЯЗ : [сайт]. — URL: <https://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения: 05.05.2025).

М. С. Кучина
Россия, г. Барнаул,
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение «Средняя
общеобразовательная школа №135»
Научный руководитель: учитель русского языка и литературы высшей
квалификационной категории М. В. Крестина

Вклад А. С. Пушкина в формирование типа «маленького человека» в мировой литературе

Аннотация

В статье рассматривается специфика формирования литературного типа «маленького человека» в мировой литературе. Рассмотрен вклад А. С. Пушкина как новатора или автора, окончательно оформившего тип «маленького человека» и наделившего данный тип персонажа отличительными характеристиками: низкое положение в социальной иерархии, отсутствие амбиций и возможности изменить